

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2016.4.03

Правильная ссылка на статью:

Ушкин С. Г. На пути к лучшему обществу, или почему люди становятся активистами? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 33—47.

For citation:

Ushkin S. G. Towards better society, or why people become activists. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016. № 4. P. 33—47.

С. Г. Ушкин

НА ПУТИ К ЛУЧШЕМУ ОБЩЕСТВУ, ИЛИ ПОЧЕМУ ЛЮДИ СТАНОВЯТСЯ АКТИВИСТАМИ?

НА ПУТИ К ЛУЧШЕМУ ОБЩЕСТВУ,
ИЛИ ПОЧЕМУ ЛЮДИ СТАНОВЯТСЯ
АКТИВИСТАМИ?

TOWARDS BETTER SOCIETY, OR WHY
PEOPLE BECOME ACTIVISTS

УШКИН Сергей Геннадьевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга территориального управления Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», преподаватель Национального исследовательского Мордовского государственного университета, Саранск, Россия.

*E-MAIL: ushkinsergey@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4317-6615*

Sergey G. USHKIN^{1,2} — Candidate of Sociological Sciences, Leading Scientific Researcher

*E-MAIL: ushkinsergey@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4317-6615*

---

¹ Monitoring Department, Mordovia Territorial Administration, Scientific Centre for Social and Economic Monitoring of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia

² Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Аннотация. В статье проводится анализ роли социально-политической активности граждан в «хорошем обществе» (или обществе, пригодном для жизни). Предполагается, что она выступает драйвером перехода к идеалу более высокого порядка. Однако в этом случае имеется в виду не тотальная критика настоящего, а выборочная

Abstract. The author analyses the role of social and political activity of citizens in a “good society” (i. e. suitable for living). It is supposed that this activity drives the transition to a higher-order ideal. However, it implies selective criticism over certain social institutions and processes, rather than the total criticism of the present.

критика отдельных социальных институтов и процессов.

Описываются основные теоретико-методологические подходы к изучению социально-политической активности. Выделено шесть наиболее часто используемых концепций: коллективного действия (Дж. Доллард, Л. Киллиан, Г. Лебон, Н. Миллер, Н. К. Михайловский, Ф. Олпорт, Н. Смелзер, Р. Тернер и др.), относительной депривации (Т. Гарр, Дж. Дейвис, Р. Мертон, У. Рансимен и др.), рационального выбора (М. Личбах, М. Олсон, К. Д. Опп, Д. Чонг и др.), мобилизации ресурсов (М. Н. Залд, Д. Макадам, Дж. Маккарти, С. Тарроу, Ч. Тилли и др.), политических возможностей (П. Айзингер, Д. Майер и др.), новых социальных (общественных) движений (С. Бюхлер, С. Д. Кендалл, Н. Пичардо, А. Скотт и др.) и политического рефрейминга (Б. Гладарев, А. Демидов, К. Клеман, О. Мирясова).

Представленные модели расположены в порядке их возникновения, каждая из них продолжает разрабатываться и являет собой попытку ответа на вызовы современности. Подчеркивается, что социально-политическая активность в «хорошем обществе» коррелирует с личным материальным благополучием и способствует усвоению демократических правил поведения, причем подобные тенденции характерны как для западного, так и для российского социума.

Ключевые слова: хорошее общество, социальная активность, политическая активность, коллективное действие, относительная депривация, рациональный выбор, мобилизация ресурсов, политические возможности,

The basic theoretical and methodological approaches to studying social and political activity are described in the article. Six most commonly used theories are considered: theory of collective action (J. Dollard, L. Killian, G. Le Bon, N. E. Miller, N. K. Mikhaylovsky, F. Allport, N. Smelser, R. Turner, etc.), relative deprivation theory (T. Gurr, J. Davis, R. Merton, W. Runciman, etc.), rational choice theory (M. Lichbach, M. Olson, K.-D. Opp, D. Chong, etc.), resource mobilization theory (M. N. Zald, D. McAdam, J. McCarthy, S. Tarrow, Ch. Tilly, etc.), political opportunities theory (P. Eisinger, D. Meyer, etc.), the theory of new social movements (S. Buechler, S. D. Kendall, N. Pichardo, A. Scott, etc.) and political reframing (B. Gladarev, A. Demidov, K. Clément, O. Miryasova).

The models are presented in the order of their apparition; each of them is currently being developed and represents an attempt to face modern challenges. The author highlights that social and political activity in a “good society” correlates with personal well-being and helps master democratic rules of conduct, and these tendencies are typical both for Western and Russian societies.

Keywords: good society, social activity political activity, collective action, relative deprivation, rational choice, resource mobilization, political opportunities, new social (public) movements, political reframing

новые социальные (общественные) движения, политический рефрейминг

Благодарность. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Нормативные основания «хорошего общества»» (грант Президента РФ МК-5295.2016.6).

Acknowledgment. The paper is part of the research project “Normative basis for the “good society”” (President’s grant RF МК-5295.2016.6).

Введение

В зарубежном и отечественном гуманитарном дискурсе последних лет активно разрабатывается идея о т. н. «хорошем обществе», выступающем промежуточным звеном между «плохим» обществом и идеальным. Традиционно оно определяется как общество, пригодное для жизни, и связывается со следующим набором измеряемых признаков: базовое материальное благосостояние, здоровье, безопасность, доверие, свобода личности, развитие и др. Концепция «хорошего общества» представляет собой попытку структурирования социума на основании не теоретических, а эмпирических и нормативных признаков, конвергенции лучших черт различных обществ [Федотова, 2005: 457].

Очевидно, что драйвером достижимости «хорошего общества» выступает социально-политическая активность граждан, стремящихся к идеалу более высокого порядка (с их точки зрения и ради собственного благополучия). Основанием гражданского активизма может выступать как поддержка действующего порядка, так и коллективное недовольство, несогласие; и в том, и в другом случае подразумевается наличие противоположных интересов [Баранова, 2012: 143]. С другой стороны, тотальная критика действительности препятствует становлению стабильного и безопасного «хорошего общества»; поэтому конструктивное участие должно выражаться в избирательной критике отдельных социальных институтов и процессов, осуществляемой с целью их социального нормирования, т. е. приведения в соответствие с нормативными параметрами «хорошего общества» [Коваль, 2016: 76].

Доминирующими формами выражения социально-политической активности выступают митинги, демонстрации, пикетирование, кампании гражданского неповиновения, забастовки, голодовки, прогулы, «протестное голосование», терроризм, экстремистские акции, жалобы, обращения в суд, вооруженная борьба и т. д. [Семенов, 1993: 73]. Исследователи выделяют и принципиально новые формы публичных акций, не получившие широкого распространения и/или законодательного оформления, к которым относятся прогулки, стрит-пати, флэш-мобы, сеансы живописи, закрашивание граффити, дни памяти и т. д. [Лобанова, Семенов, 2013: 125].

Принято выделять несколько групп теоретических моделей, представляющих собой попытки объяснения гражданского активизма: коллективного действия, относительной депривации, рационального выбора, мобилизации ресурсов, политических возможностей, новых социальных (общественных) движений и политического рефрейминга. Рассмотрим каждую из них более подробно.

Концепция коллективного действия

В фокусе рассмотрения концепции коллективного действия находятся социальные процессы и события, которые не отражают существующие социальные структуры, но проявляются «спонтанным» способом. Общественные движения изучаются как «результат взаимодействия индивидов в специфических условиях социальной напряженности, недовольства, депривации, как иррациональный ответ на фрустрацию, разрядка психологической напряженности маргинальных групп и личностей» [Тихонов, 2011: 28].

В рамках концепции коллективного действия выделяются следующие субтеории.

- *Теория заражения* (Г. Лебон, Н. К. Михайловский) [Лебон, 2008; Михайловский, 1998]. Основная идея заключается в гипнотическом влиянии толпы на своих членов. В толпе человек теряет свою идентичность, отказывается от личной ответственности и «инфицируется» ее идеями. По определению Г. Лебона, процесс заражения связан со способностью, которой «люди, вообще, одарены в той же степени, как и человекообразные обезьяны» [Лебон, 2008: 96]. Критика теории заключается, во-первых, в отсутствии документально подтвержденных системных исследований природы коллективного разума толпы; во-вторых, в детерминированности коллективного поведения сильными эмоциями, которые не всегда носят иррациональный характер. В дальнейшем в рамках теории возникновения норм было доказано, что заражение в толпе носит преимущественно конструкционистский характер, а участники коллективного действия не теряют способности к рациональному мышлению [Turner, 1957].
- *Теория конвергенции* (Н. Миллер, Дж. Доллард, Ф. Олпорт) [Miller, Dollard, 1979; Allport, 1924]. Основная идея теории в том, что участники коллективных действий собираются и действуют в соответствии с уже сформировавшимися predispositionами. Центральный аргумент: люди объединяются для выражения своих индивидуальных интересов, в толпе ответственность дифференцирована, но само коллективное поведение исходит от отдельных лиц. Наблюдается усиление чувства солидарности за счет накопления критической массы единомышленников [Imhonopi et al., 2013: 81].
- *Теория возникновения норм* (Р. Тернер, Л. Киллиан) [Turner, Killian, 1957]. Центральное положение: поведение отдельных индивидов становится нормой для всей группы. При оценке ситуации человек ориентируется на мнение других людей, которые его окружают, тем самым формируется общая оценка ситуации и общие нормы поведения [Turner, Killian, 1957: 11]. Например, когда кто-то из толпы протестующих решает разбить стекло в магазине, другие следуют его примеру.
- *Теория прирастающей ценности* (Н. Смелзер) [Smelser, 2013]. Согласно теории, коллективное поведение есть поэтапная реакция на социальное напряжение в рамках социальной системы; фокус внимания теории направлен не на психологические, а на социальные условия. Для объяснения причин и возможных последствий коллективного поведения Смелзер выделяет шесть элементов: структурные факторы, структурную напряженность, усиление и распространение общего верования, синхронизирующие факторы,

мобилизацию к действиям и социальный контроль [Smelser, 2013: 15—17]. Если соответствующие детерминанты присутствуют, то коллективное поведение становится неизбежным; отсутствие какого-либо из ключевых факторов снижает вероятность коллективных действий.

Концепция относительной депривации

В рамках концепции относительной депривации исследователи акцентируют свое внимание на изучении расхождения между тем, что люди имеют, и тем, что они (по их мнению) заслуживают по праву. Депривация рассматривается как лишение, отсутствие, а сами деприванты — как лишенцы в объективном и субъективном смысле [Здравомыслова, 1990: 90]. Термин преимущественно используется при описании экономических, политических и социальных лишений: фиксируется тесная связь с бедностью и социальной изоляцией [Bayertz, 1999: 144].

В рамках концепции относительной депривации выделяются следующие субтеории.

- *Теория аномии* (Р. Мертон) [Merton, 1938]. Понятие аномии берется в качестве отправной точки, девиантное поведение выступает следствием относительной депривации. Причина девиантного поведения — разрыв между культурными целями и законными средствами, доступными для их достижения. Экстремальные ситуации политического насилия (беспорядки, терроризм, гражданские войны и т. д.) рассматриваются как частные проявления девиантного поведения. Основной мотив людей, включенных в такие ситуации, — смена институционального порядка: отвержение либо существующих культурных целей, либо законных средств, либо их полное замещение на другие культурные цели и законные средства [Merton, 1938: 216—217].
- *Теория социальной справедливости* (У. Рансимен) [Runciman, 1966]. Допущение заключается в том, что человек всегда оценивает конкретную ситуацию через соотнесение текущего и желаемого положения дел. Выделяются четыре предпосылки относительной депривации: 1) субъект не обладает объектом; 2) субъект знает других лиц, которые обладают объектом; 3) субъект хочет иметь объект; 4) субъект считает обладание объектом реалистичным. Причинами социальной напряженности выступают эгоистический (основанный на сравнении с другими людьми) и братский (основанный на сравнении своей группы с другими группами) характер депривации [Runciman, 1966: 10—11].
- *Теория прогрессивной депривации* (Т. Р. Гарр, Дж. Дейвис) [Garр, 2005; Davies, 1971]. Основное положение: депривация представляет собой психологически некомфортное условие. Под прогрессивной депривацией понимается одновременное возрастание индивидуальных ожиданий и ценностных возможностей. Сформирована гипотеза J-кривой, согласно которой революции, чаще всего, происходят тогда, когда за длительным периодом социально-экономического развития следует короткий период резкого спада [Davies, 1962: 5]. В таком случае у людей возрастает чувство социальной незащищенности, боязнь потерять то, что уже имеется, и формируются протестные настроения.

- *Теория прекаризации* (Г. Стэндинг) [Стэндинг, 2014]. Прекаризация представляет собой незащищенные трудовые отношения, которые могут быть расторгнуты работодателем со своими подчиненными в одностороннем порядке. Ей сопутствуют дерегуляция трудовых отношений, отсутствие социальной гарантии занятости и ограничение ответственности работодателя за персонал. Прекариат рассматривается как новый социальный класс, находящийся в процессе своего становления и развития и пришедший на смену пролетариату. Этот класс располагается между «квалифицированными кадрами» и безработной, обособленной группой социально обездоленных, живущих «подачками» общества [Стэндинг, 2014: 22]. Нестабильный и близкий к маргинализованному образ жизни ведет к массовому недовольству и постепенному осознанию необходимости борьбы за свои права среди представителей данного класса. Прекариат, как правило, лишен семи трудовых гарантий «промышленного гражданства»: гарантий рынка труда, занятости, рабочего места, охраны труда, воспроизводства навыков, получения дохода и представительства [Стэндинг, 2014: 26]. Именно поэтому он никогда «не станет и не будет базой поддержки официальной политики, ибо у него нет никаких оснований видеть в своем положении удовлетворяющее его социальное положение, которое обусловлено размытостью и неопределенностью своего положения» [Тощенко, 2015: 11].

Концепция рационального выбора

Ключевое положение концепции рационального выбора заключается в том, что индивидам присуща рациональность, которая выражается в сопоставлении затрат и выгод альтернативных вариантов действий для максимизации собственной выгоды. Некоторые авторы, опираясь на культурные предпосылки, приписывают различные элементы концепции рационального выбора другим, ранее разработанным теориям [Орр, 2009].

В рамках концепции рационального выбора выделяются две основные субтеории.

- *Теория безбилетника* (М. Олсон, Д. Чонг) [Olson, 1971; Chong, 1991]. Суть теории — решение проблемы безбилетника, возникающей тогда, когда индивид сознательно не желает платить за общественное благо, ожидая получить выгоду без всякой оплаты, либо существенно снизив свой взнос. Центральный аргумент теории заключается в том, что значительная концентрация интересов меньшинства на отдельно взятой социально-важной проблеме может привести к фабрикации интересов большинства; при этом цели большинства будут заключаться в минимизации собственных расходов, стремлении осуществить «бесплатный проезд» и использовании меньшинства. Проблема возникает тогда, когда безбилетников становится слишком много: в таком случае социально-значимые проблемы перестают решаться, и все, даже те, кто активно участвовал в коллективных действиях, несут убыток, а социальный протест окончательно угасает [Chong, 1991: 6].
- *Теория повстанца* (М. Личбах) [Lichbach, 1995]. Концепция коллективного действия учит тому, что рациональные люди не должны бунтовать. Тем не ме-

нее, инакомыслие в коллективе имеет место. Ключевая роль в развитии инакомыслия принадлежит рыночному мышлению: лидеры социального протеста обращают внимание на увеличение выгоды, снижение затрат, повышение производительности тактики, а также используют теорию игр для увеличения вероятности выигрыша при изменении конфигурации акторов [Lichbach, 1995: 20]. Предполагается, что основная масса повстанцев — индивидуалисты, которые не занимаются социальным планированием. Потенциальные повстанцы могут участвовать в коллективных действиях только тогда, когда эти действия выражают их личную заинтересованность или они имеют предрасположенность к восстаниям. Доминирующими среди повстанцев являются три типа социальных контактов: самоуправление, «око за око» и взаимный обмен. Рекрутинг повстанцев осуществляется за счет тех, кто обеспокоен проблемами индивидуалистического (низкая заработная плата, отсутствие продвижения по службе и т. д.), а не коллективного (недовольство идеологией и политикой) характера [Lichbach, 1995: 262].

Концепция мобилизации ресурсов

Концепция мобилизации ресурсов предполагает понимание социально-политической активности как рационального социального института, созданного для осуществления политических действий. При этом граница между конвенциональной политикой и протестом существенно размывается. Общественное движение является собой «конфликтный тип коллективного действия, когда конфликт возникает между интересами власти и социальных субъектов» [Дементьева, 2013: 5]. Внутри движений происходит приобретение, а затем распределение ресурсов в соответствии с поставленными целями. Выделяются пять основных видов ресурсов: (1) материальные (деньги и физический капитал); (2) идеологические (солидарность, поддержка целей движения); (3) социально-организационные (организационные стратегии, рекрутинг участников); (4) человеческие (добровольцы, сотрудники, руководители); (5) культурные (опыт участия в коллективных действиях) [McCarthy, Zald, 1977: 1216].

В рамках концепции мобилизации ресурсов выделяются две базисные субтеории.

- *Экономическая версия мобилизации ресурсов* (Дж. Маккарти, М. Н. Залд) [McCarthy, Zald, 1977]. Экономическая модель определяет коллективные действия в контексте экономических факторов и теории организации, поскольку любое общественное объединение здесь рассматривается как предприятие (фирма), созданное с привлечением уставного капитала заинтересованных лиц для максимизации прибыли (мобилизации). Такого рода предприятие обладает жестко выстроенной вертикалью власти, необходимой производственной структурой и мобилизационными мощностями. Центральное положение: решающим фактором создания общественных движений выступает доступ и контроль над ресурсами, а не недовольство само по себе. Приток ресурсов «в» и «из» движения осуществляется по законам спроса и предложения, отдельные действия (или их отсутствие) объясняются на основании концепции рационального выбора. Доказывается,

что в богатых обществах общественные движения носят узконаправленный, реформаторский характер; в бедных обществах, напротив, распространены более радикальные движения с широким спектром целей [McCarthy, Zald, 1977: 1237].

- *Политическая версия мобилизации ресурсов* (Д. Макадам, С. Тарроу, Ч. Тилли) [McAdam et al., 2001]. Политическая модель сосредоточена на политической борьбе, а не на экономических факторах. Утверждается, что в любом обществе всегда найдется группа людей, недовольных действующей властью. До определенного момента недовольство носит латентный характер, триггером его проявления выступают новые политические возможности и возможности получения ресурсов. Между социальными движениями и процессами демократизации нет прямой взаимосвязи: демократизация способствует формированию социальных движений, но ни в коем случае нельзя говорить о том, что сами социальные движения способствуют продвижению демократии [McAdam et al., 2001: 182].

Концепция политических возможностей

Концепция политических возможностей близка по своей сути к концепции мобилизации ресурсов и представляет ответ на критику последней, которая заключалась в том, что она не в состоянии объяснить, каким образом группы с ограниченными ресурсами могут добиться успеха при осуществлении социальных изменений; в ней также не прописывается, каким образом определить переломную точку, знаменующую переход от коллективной обиды к коллективным действиям. Значительный вклад в разработку концепции политических возможностей внесли П. Айзингер и Д. Майер [Eisinger, 1973; Meyer, 2004]. Основное ее положение заключается в том, что успех или неудача общественных движений, прежде всего, зависит от политических возможностей.

Выделяется конкретная модель структуры политических возможностей, которая позволяет оценить шансы мобилизации коллективного недовольства и оценить характер общественного движения. Она состоит из следующих элементов по наличию или отсутствию: (1) доступа к власти; (2) конфронтации правящей элиты; (3) элитарных союзников; (4) подавления государством инакомыслия [Meyer, Minkoff, 2004: 1460—1461]. Преимущество теории в том, что она объясняет, почему социальные движения возникают и/или увеличивают свою активность в данный момент времени. Только тогда, когда присутствуют три значимых компонента — политические возможности, притязания и ресурсы, — социально-политическая активность становится наиболее вероятным вариантом развития событий.

Концепция новых социальных (общественных) движений

В центре внимания концепции новых социальных (общественных) движений — макросоциологические детерминанты социальной активности. Ключевое положение: новые общественные движения, стремительно вошедшие в различные западные общества примерно с середины 1960-х гг. (т.е. в эпоху постиндустриальной экономики), имеют существенные отличия от традиционных общественных движений. Значительное внимание концепции уделили в своих работах С. Бюхлер,

С. Д. Кендалл, Н. Пичардо, А. Скотт и др. [Buechler, 1999; Kendall, 2012; Pichardo, 1997; Scott, 1990].

Зачастую концепция новых социальных (общественных) движений основывается на синтезе различных разработанных ранее подходов к изучению социально-политической активности: «происходит попытка объединения всего наработанного в единую, комплексную систему подходов, методов и теорий, которые способны «работать вместе» при анализе современных социальных тенденций и явлений» [Халий, 2007: 13].

Наиболее заметная особенность новых социальных движений заключается в том, что, в первую очередь, они формируются на основании социальной, культурной, и только во вторую — политической общности. Значительный упор делается на роли постиндустриальных ценностей, а не на материальных ресурсах. Значение новых социальных движений заключается в том, что они способствуют установлению принципиально новых отношений человека с самим собой, природой и социальным окружением; главенствующая роль отводится не утилитаризму, а автономности, индивидуальности и самоидентичности.

Другое важное замечание представителей рассматриваемой концепции: участники новых социальных движений — как правило, выходцы из нового среднего класса, а не низших слоев. Новый средний класс определяется как группа людей, имеющая высокий уровень образования и доступ к информации; преимущественно это те, кто располагает ресурсом времени — студенты, домохозяйки, безработные. Главный актор традиционных социальных движений — индустриальный рабочий класс — практически не рассматривается, поскольку не включен в процессы новой социальной мобилизации [Offe, 1985: 817]. Отметим, что некоторые авторы уже давно исключили рабочий класс из числа революционных субъектов [Gorz, 1982].

Новые социальные движения не только создают новые символы и значения, но и генерируют мировоззренческие системы, подвергая сомнению сложившуюся в период модернизации дихотомию «государство — гражданское общество» [Здравомыслова, 1993: 4]. Участники такого рода объединений, как правило, не бросают прямого вызова государству; борьба сосредоточена преимущественно на институциональных уровнях. Новые социальные движения фокусируются на одной проблеме (или по ограниченному кругу вопросов, связанных с одной широкой темой) — например, движения за мир или экологические движения. Выражение интересов происходит на низовом уровне, коллективные действия — в рамках малых групп. Источниками информации о такого рода действиях выступают личные или информационные сети, такие как радио, газеты, плакаты и т. д.

В последнее время предпринимается попытка рассмотреть теории новых социальных (общественных) движений в контексте процессов глобализации. В этой логике «гражданское общество фактически становится создателем правил, действующих в ранге глобальных законов» [Тысячнюк, 2010: 58]. Таким образом, ракурс рассмотрения постепенно смещается: в центре внимания находятся отношения между бизнесом, гражданским обществом и государством, при этом монополия государства на регуляцию общественных отношений постепенно

утрачивается, оно уступает свою роль крупным сетевым коммерческим и некоммерческим структурам.

Концепция политического рефрейминга

Значительный интерес представляет концепция политического рефрейминга, которая в последние годы предлагается К. Клеман, Б. Гладаревым, А. Демидовым и О. Мирясовой как попытка рефлексии происходящей активизации городских обывателей [Городские..., 2013; Клеман и др., 2010]. Исследователи рассматривают социально-политическую активность не на макро-, а на микроуровне, поскольку активистские практики и установки «вырабатываются из повседневных жизненных ситуаций и закрепляются в них» [Клеман и др., 2010: 331]. В рамках концепции количественный подход признается недостаточно эффективным, поскольку опросы (и их интерпретация) не всегда способны адекватно отражать складывающиеся взаимоотношения между народом и властью [Долгаева, Крылова, 2015: 58]. Поэтому во главу угла ставится качественная методология, а «антропологическое описание и анализ практик предстоят абстрактным моделям» [Городские..., 2013: 15].

При изучении активистских практик преимущественно используются принципы этносоциологии и прагматистской социологии. Предполагается изучение протестной активности с позиций повседневности, а процесс превращения «обывателей» в активистов препарируется через фрейм-аналитическую социологию И. Гофмана и/или установление «режимов вовлеченности» по Л. Тевено [Гофман, 2004; Thevenot, 2001]. В рамках данных подходов выделены предпосылки и причины активизма: во-первых, процесс изменения фрейма (привычного образа мыслей и действий), происходящий под воздействием столкновения человека с проблемой или противоречием коллективного свойства, которые остро ощущаются и заставляют его сомневаться в «нормальности» порядка; во-вторых, формирование сплоченного коллектива активистов, возникновение сети горизонтальных связей (в том числе за пределами собственно группы или коллектива) и наличие организации, поддерживающей солидарность и активность в коллективе; в-третьих, появление новых лидеров, отвечающих требованиям ситуации и обладающих авторитетом [Клеман и др., 2010: 667—679].

Заключение

Таким образом, социально-политическая активность в современном обществе может иметь различную природу. Несмотря на то, что все представленные теоретические модели создавались под влиянием времени, ни одна из них не потеряла своей актуальности; более того, они продолжают совершенствоваться, в том числе с учетом усложнения структуры социальных отношений ввиду бурного развития новых информационных и коммуникационных технологий.

Конструктивная и избирательная критика отдельных социальных институтов должна стать одним из индикаторов «хорошего общества», механизмом его перехода к «обществу идеальному»; в то же время, тотальная критика действующего порядка относит нас скорее к «обществу плохому», которому требуется переструктурирование. Рассмотрение общемировых тенденций показывает, что коллективная

гражданская активность населения в значительной степени коррелирует с личным социальным благополучием. Как замечает по этому поводу У. Бек, «только те люди, которые имеют жилье, надежную работу и, следовательно, материально обеспеченное будущее, являются или могут стать гражданами, способными усвоить демократические правила поведения и наполнить демократию жизнью» [Бек, 2001: 115].

Подобные замечания доказывают свою релевантность и в условиях российской специфики. Длительный период времени исследователи фиксировали рост недовольства наших соотечественников различными сторонами социально-политической жизни при относительной стабильности без видимого улучшения или ухудшения их положения [Белехова, Морев, 2016: 123; Петухов, 2006: 44]. Как известно, итогом такого периода выступили многократные массовые политические выступления в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России, начавшиеся сразу после выборов в Государственную думу VI созыва.

Список литературы

Баранова Г. В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 143—152. [Baranova G. V. Metodika analiza protestnoi aktivnosti naseleniya Rossii [Methodology of analysis of protest activity of the Russian population]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 2012, no. 10, pp. 143—152.]

Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М. : Прогресс-Традиция, 2001. [Beck U. What is globalization? Errors of globalism — Answers to globalization. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. (In Russ.)]

Белехова Г. В., Морев М. В. Влияние уровня жизни на отношение к социальной реальности в региональном сообществе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 120—137. [Belekhova G. V., Morev M. V. Impact of living standards on attitude to social reality in regional society. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 2016, no. 2, pp. 120—137.]

Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб. : Питер, 2005. [Gurr T. R. Why people rebel. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. (In Russ.)]

Городские движения в России в 2009—2012 годах: на пути к политическому / под ред. К. Клеман. М. : Новое литературное обозрение, 2013. [Gorodskie dvizheniya v Rossii v 2009—2012 godakh: na puti k politicheskomu [Urban movements in Russia from 2009 to 2012: on the way to politics]. Ed. by K. Kleman. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013.]

Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М. : ИС РАН ; Институт фонда «Общественное мнение», 2004. [Gofman I. Frame Analysis: an essay on the organization of everyday experience. Moscow, IS RAN; Institut fonda “Obshchestvennoe mnenie”, 2004.]

Дементьева И. Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке // Мониторинг обществен-

ного мнения : Экономические и социальные перемены. 2013. № 4. С. 3—12. [Dementieva I. N. Theoretical and Methodological Approaches to the Study of Social Protest in Russian and Foreign Science. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 2013, no. 4, pp. 3—12.]

Долгаева Е. И., Крылова В. В. Претензии населения к власти: что остается за рамками количественных измерений // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 58—64. [Dolgaeva E. I., Krylova V. V. Popular complaints against authorities: what remains beyond quantitative measurement. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 2015, no. 7, pp. 58—64.]

Здравомыслова Е. А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб. : Наука, 1993. [Zdravomyslova E. A. Paradigmy zapadnoi sotsiologii obshchestvennykh dvizhenii [Paradigms of Western sociology of the public movements]. St. Petersburg, Nauka, 1993.]

Здравомыслова Е. А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. 1990. № 12. С. 88—94. [Zdravomyslova E. A. Sociological approaches to the analysis of social movements. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 1990, no. 12, pp. 88—94.]

Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М. : Три квадрата, 2010. [Clement C., Miryasova O., Demidov A. Ot obyvatelei k aktivistam. Zarozhdayushchiesya sotsial'nye dvizheniya v sovremennoi Rossii [From ordinary people to activists: Emerging social movements in modern Russia]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2010.]

Коваль Е. А. «Хорошее общество» как нормативный идеал // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4. Ч. 2. С. 75—78. [Koval E. A. “Khoroshee obshchestvo” kak normativnyi ideal [“Good society” as a regulatory ideal]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political, legal and cultural studies and art history. Theory and Practice]*, 2016, no. 4, Part. 2, pp. 75—78.]

Левон Г. Психология народов и масс. М. : ТЕРРА—Книжный клуб, 2008. [Le Bon G. Psikhologiya narodov i mass [The Psychology of Peoples]. Moscow, TERRA—Knizhnyi klub Publ., 2008. (In Russ.)]

Лобанова О. Ю., Семенов А. В. Репертуар протестных действий: опыт социокультурного анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1. С. 124—132. [Lobanova O. Yu., Semenov A. V. Repertuar protestnykh deistvii: opyt sotsiokul'turnogo analiza [Repertory of protest actions: experience social analysis]. *Vestnik archeologii, antropologii i ètnografii [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography]*, 2013, no. 1, pp. 124—132.]

Михайловский Н. К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии в двух томах: Т. 1. СПб. : Алетейя, 1998. [Mikhailovskii N. K. Geroi i tolpa. Izbrannye trudy po sotsiologii

v dvukh tomakh [Heroes and crowd: collected works in sociology in two volumes]. Vol. 1, St. Petersburg, Aleteiya, 1998.]

Петухов В. В. Чем недовольны жители крупных городов России // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2006. № 3. С. 42—47. [Petukhov V. V. Chem nedovol'ny zhiteli krupnykh gorodov Rossii [What residents of large cities are not satisfied with]. *Monitoring of public opinion : Economic and social changes*, 2006, no. 3, pp. 42—47.]

Семенов В. С. Россия в сети конфликтности: между взрывом и согласием // Социологические исследования. 1993. № 7. С. 73—76. [Semenov V. S. Rossiya v seti konfliktnosti: mezhdru vzryvom i soglasiem [Russia in the conflict network: between explosion and consent]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 1993, no. 7, pp. 73—76.]

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. [Stending G. Prekariat: novyi opasnyi klass [Precariat: new dangerous class]. Moscow, Ad Marginem Press, 2014.]

Тихонов В. Г. Социально-политическая активность российской студенческой молодежи : дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. [Tikhonov V. G. Sotsial'no-politicheskaya aktivnost' rossiiskoi studencheskoi molodezhi : Diss. ... kand. sotsiol. nauk [Social and Political Activity of Russian young students: Cand. Soc. Sci. Diss.]. Rostov-on-Don, 2011.]

Тощенко Ж. Т. Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3—13. [Toshchenko Zh. T. Precariat — new social class. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 2015, no. 6, pp. 3—13.]

Тысячнюк М. С. Новые подходы к анализу трансграничных общественных движений в условиях глобализации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 5. С. 38—62. [Tsyachnyuk M. S. Noveye podkhody k analizu transgranichnykh obshchestvennykh dvizhenii v usloviyakh globalizatsii [New approaches to analysis of transborder movements in the globalized world]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 2010, no. 5, pp. 38—62.]

Федотова В. Г. Хорошее общество. М. : Прогресс—Традиция, 2005. [Fedotova V. G. Khoroshee obshchestvo [Good society]. Moscow, Progress—Traditsiya Publ., 2005.]

Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М. : Институт социологии РАН, 2007. [Khalii I. A. Sovremennye obshchestvennye dvizheniya: innovatsionnyi potentsial rossiiskikh preobrazovaniy v traditsionalistskoi srede [Modern public movements: innovative potential of Russian transformations in the traditional environment]. Moscow, Institut sotsiologii RAN, 2007.]

Allport F. H. *Social Psychology*. London : Routledge, 1924.

Bayertz K. *Solidarity*. Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1999.

Buechler S. M. Social Movements in Advanced Capitalism : The Political Economy and Cultural Construction of Social Activism. Oxford : Oxford University Press, 1999.

Chong D. Collective Action and the Civil Rights Movement. Chicago and London : University of Chicago Press, 1991.

Davies J. C. When Men Revolt and Why : A Reader in Political Violence and Revolution. New York : The Free Press, 1971.

Eisinger P. The conditions of protest behavior in American cities. *American Political Science Review*. 1973. Vol. 81. P. 11—28.

Horz A. Farewell to the Working Class : An Essay on Post-Industrial Socialism. London : Pluto Press, 1982.

Imhonopi D., Onifade C. A., Urim U. M. Collective Behaviour and Social Movements : A Conceptual Review. *Research on Humanities and Social Sciences*. 2013. Vol. 3. No. 10. P. 76—85.

Kendall D. Sociology in Our Times. Boston, Massachusetts : Cengage Learning, 2012.

Lichbach M. The Rebel's Dilemma. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1995.

McAdam D, Tarrow S., Tilly C. Dynamics of Contention. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.

McCarthy J.D., Zald M. N. Resource Mobilization and Social Movements : A Partial Theory. *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 82. P. 1212—1241.

Merton R. K. Social Structure and Anomie. *American Sociological Review*. 1938. Vol. 3. P. 672—682.

Meyer D. S. Protest and Political Opportunities. *Annual Review of Sociology*. 2004. Vol. 30. P. 125—145.

Meyer D. S., Minkoff C. Conceptualizing Political Opportunity. *Social Forces*. 2004. Vol. 82. P. 1457—1492.

Miller N. E., Dollard J. Social Learning and Imitation. Westport, Connecticut : Greenwood Publishing Group, 1979.

Offe C. New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics. *Social Research*. 1985. Vol. 52. No. 4. P. 817—867.

Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge: Harvard University Press, 1971.

Opp K. D. Theories of Political Protest and Social Movements. New York : Routledge, 2009.

Pichardo N. A. New Social Movements : A Critical Review. *Annual Review of Sociology*. 1997. Vol. 23. P. 411—430.

Runciman W. G. Relative deprivation and social justice: a study of attitudes to social inequality in twentieth-century England. Oakland : University of California Press, 1966.

Scott A. Ideology and the New Social Movements. London : Unwin Hyman, 1990.

Smelser N. J. Theory of Collective Behavior. London : Routledge, 2013.

Turner R. H., Killian L. M. Collective Behavior. Englewood Cliffs : Prentice Hall, 1957.